

КОФЕ
НА ДВОИХ

КАЯ САНДЕРС

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С18

Художественное оформление
Александра Андреева

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© abstract.rita, stockvit,

Svetlana Kharchuk / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на обложке *FIANIT*

*Эту книгу я хочу посвятить маме...
Спасибо, что безоговорочно веришь в меня.*

Сандерс, Кая.

С18 Кофе на двоих / Кая Сандерс. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-217185-7

София Ворличек наслаждается одиночеством, но мечтает о крепкой и настоящей любви. В небольшом городе Чехии она владеет самым уютным кафе и способна не только удивлять посетителей вкусным кофе, но и читать их мысли.

Однако все меняется, когда в «Love and Coffee» заходит Джейсон Бейкер — известный писатель и автор женских романов. Она ошеломлена его неожиданным и хмурым появлением, но еще больше тем, что не слышит его мысли. Совсем.

Джейсон потерял не только вдохновение и желание творить, но и самого себя. Но кажется, он нашел нечто более важное в этих карих глазах цвета крепкого кофе...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сандерс К., текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-217185-7

Пролог

— Тише, милая... Тише, София... — Нежный и родной голос бабули успокаивал, словно убаюкивал в тишине моей спальни. — Все пройдет, девочка. Обещаю...

Я свернулась калачиком, поджав под себя ноги, слезы не останавливались вот уже несколько часов. Обида и боль разрывали мне сердце, хотелось закончить эту жизнь, слишком невыносимо. И только теплая ладонь на моей спине взывала меня к разуму и останавливала от роковой ошибки. Если бы не бабуля и ее любовь, я бы обязательно натворила глупостей, о которых было бы поздно жалеть наутро.

Ведь подобное уже случалось.

— Наш дар выбирает только достойных, милая, а ты заслуживаешь обрести самую чистую любовь в этом испорченном и загнивающим мире. — Она говорила мне это миллион раз, и я продолжала верить. Снова и снова прыгала в омут с головой, надеясь почувствовать хоть что-нибудь. — Ты, как никто другой в этом мире, достойна! Правда, для этого нужно пе-

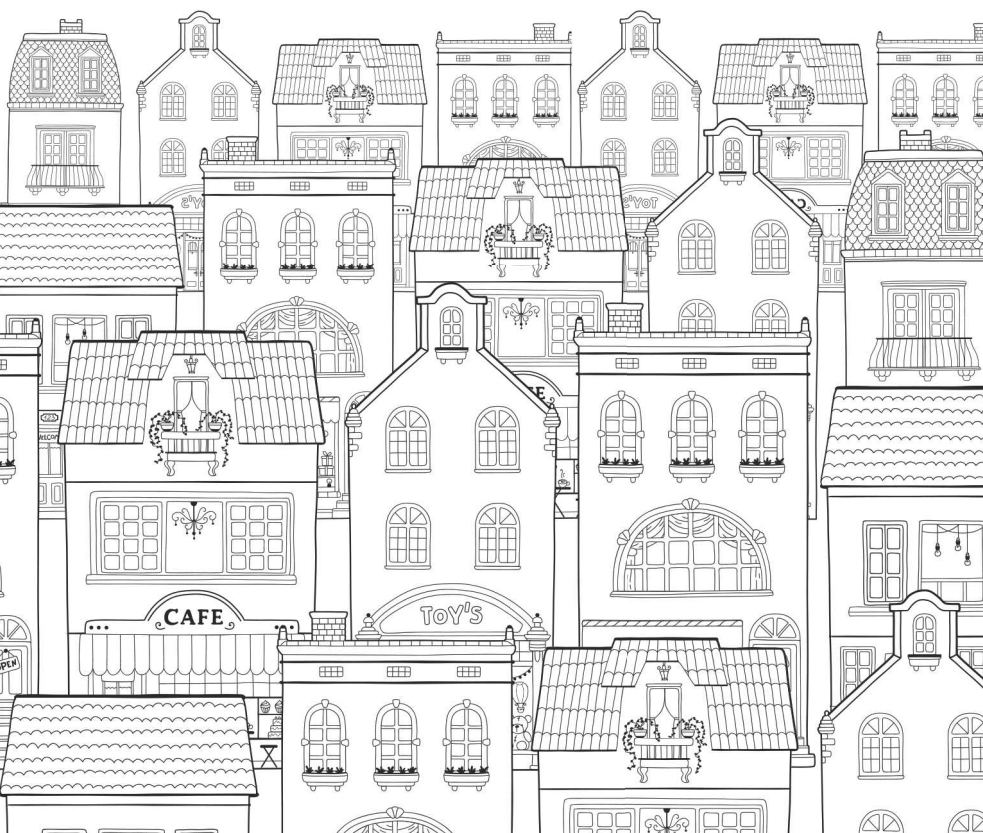

КЛЯ САНДЕРС

режить испытание, но ты справишься, и дар вознаградит тебя. Ты представить себе не можешь, что тебя ждет впереди.

Вслушиваясь в слова, я забывала этот вечер и начинала смотреть в будущее. Мечтать, как прежде, о любви. О той самой, которая вечна. И хоть слезы продолжали выступать в уголках глаз, дыхание стало спокойнее, и я медленно провалилась в глубокий сон.

ЧАСТЬ I

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

*Александр Сергеевич Пушкин,
1822 г.*

Глава 1

ДЖЕЙСОН

Лондон, Англия

— Давайте поприветствуем Джейсона Бейкера. Взрыв аплодисментов, под который меня встречали в зале, оглушил, но несколько не удивил.

Люди, в основном девушки не старше тридцати, раскупили билеты на встречу за считанные часы еще в прошлом месяце. У черного входа меня поджидали с плакатами и цветами, все мечтали о фото, автографе и внимании с моей стороны. Но никого не волнует, что мне противно все это. Да, я завидный холостяк страны, но такая заинтересованность давит на меня, лишает сил и воздуха. Я не хочу такой известности.

— Его новый роман наконец-то вышел на бумаге! Не знаю, как вы, а я ждала его с замиранием сердца все это время. — Ведущая снова перевела взгляд со зрителей на меня. — Джейсон, добрый вечер, расскажите, почему читателям пришлось так долго ждать?!

Миловидная девушка сидела на высоком стуле слишком близко ко мне. Мы находились на небольшом подиуме под светом софитов и прицелом много-

численных камер. Да, помимо читательниц, тут слишком много журналистов и телевидения. Никогда не понимал такого пристального внимания к моей персоне. Мою фамилию прославили еще мои предки, а я подписался под этой славой, не имея выбора.

Мои родители, а в прошлом и бабушка с дедушкой, были уважаемыми профессорами Оксфордского университета, всю свою жизнь они посвятили преподаванию. Миссис Бейкер была лучшим в стране лингвистом; ее научные труды в мире языковедения: история и происхождение этой науки — внесли весомый вклад в развитие современного преподавания еще в прошлом веке. Маму сравнивали с Луи Ельмслевым и Эдвардом Сепиром¹, она была последователем лучших советских ученых и впереди ее ждали новые открытия, если бы не трагическая случайность.

Мистер Бейкер тоже преподавал в университете, но филологию. Его разборы текстов и произведений из числа мировой литературы можно было слушать бесконечно. Ни один студент не пропускал занятий, не отвлекался от лекций, за места в первом ряду случались даже драки. Он умел притягивать своей речью, завораживая одним своим выступлением на трибуне. Еще не встречал в своей жизни человека, способного привлечь мое внимание словами так же, как он.

¹ Луи Ельмслев и Эдвард Сепир — известные ученые, работавшие в области общего и сравнительно-исторического языкознания.

Даже сейчас я поддался воспоминаниям, будучи на своем же мероприятии. Ведущая так и тараторила звонким и немного противным голоском прямо под ухо. И дело не в содержании речи или теме выступления, секрет крылся в ритме, ударениях, восклицаниях... Отец мог этим пользоваться, а эта девушка даже не знает о существовании элементарных ораторских принципов.

Все внимание вмиг вернулось на меня, и зрители ждали каких-то слов и речей, кажется, вопрос был о причинах столь долгого перерыва в издании романов.

Вопрос, на который я не знал, как ответить, чтобы не попасть в скандал. Потому что к черту Седрика и его контракт, который я подписал в бреду несколько лет назад!

— Э-э-э... Знаете, моим главным ресурсом, как я уже много раз отмечал, является вдохновение, — начал я издали. Не сказать ничего было бы нечестно по отношению к тем, кто пришел, поэтому долю правды они заслужили. — Я засиделся на одном месте и не мог найти идеи, своеобразный рабочий ритм. В последнее время я мечтаю... о другой обстановке, — сейчас или никогда, — поэтому хочу исполнить давнюю мечту и переехать в другую страну.

Я откинулся на спинку стула и наконец-то расслабился. Вздохи пронесли по залу, вспышки камер начали слепить, а мой агент Седрик уже направлялся по проходу к скромной сцене.

— П-прошу пр-рощения, господи! — повысил он голос, чтобы его услышали без микрофона развол-

новавшиеся зрители. — Нам с Джейсоном необходимо обсудить это поспешное з-заявление, не волнуйтесь... — Он немного замешкался. — Объявляем кофе-брейк на двадцать минут! Попейте кофе или чай, что ли...

Сделав еще несколько шагов в моем направлении, Седрик наклонился, и я почувствовал запах его одеколona: смесь черной смородины и бергамота. Край узорчатого шарфика упал на грудь, и мой босс нервно перекинул его за спину.

— За мной. Немедленно. — Он пытался держать лицо и не выдавать своих эмоций, но всем и так было понятно. Он в шоке. В гневе. В ярости, в конце концов.

Мы вошли в первую попавшуюся дверь, за которой оказалась просторная гримерка. Женские платья висели на вешалке, туфли красных оттенков разбросаны на полу, сбоку от меня стоял столик с косметикой и грязными бумажными салфетками, а у окна возвышалась кольцевая лампа. Вероятно, это место принадлежало ведущей и ее помощницам. В воздухе витал резкий аромат розы и корицы вперемешку с парфюмом Седрика. В носу защекотало, и тут я не сдержал чих.

— Будь з-здоров, дорогой! — заорал Седрик. — А теперь с-скажи мне, дорогой, куда это ты решил п-переехать? Забыл про к-контракт? Хочешь с-судиться?

— Седрик, я смогу выполнять контракт удаленно, но мне нужен воздух. — Голос звучал спокойно, каждое слово было подготовлено мною заранее.

Я подавил очередной чих и теперь не был уверен, дошло ли до него, какой именно мне нужен воздух в первую очередь.

— Больше не могу работать в Лондоне, — продолжил я напирать. — Дай мне три месяца, если тебя не удовлетворит материал — вернусь и буду писать тексты в твоём офисе под чутким контролем. Обещаю.

Мои родители погибли в страшной авиакатастрофе, когда возвращались с ежегодного совета старейших профессоров, проходившего в Швейцарии. Мой мир замер в миг крушения самолета, упавшего на моих глазах, на глазах тысячи пассажиров и родственников, встречавших и ожидающих своих близких. Панорамное окно стало экраном смерти, которое унесло жизни тех, кого с нетерпением ждали. Но зато я продолжаю жить в других мирах, в созданных мною романах. Дышу, путешествую, люблю... Только глазами и чувствами моих героев. Потому что иначе я больше не умею.

Поэтому мне так необходимо продолжать писать, а без вдохновения я умираю. Пока текст льется — кровь течет по моим венам и артериям, это заставляет сердце биться, а как только я бездейственно гляжу на белый экран с мигающим курсором — жизнь утекает.

— В к-какую страну? Ох, сумасшедший! В чужую страну. — Он двинулся к двери, причитая что-то себе под нос на своем родном языке: — *Ça me casse les couilles*...¹

¹ *Ça me casse les couilles* (фр.) — дословно «это мне ломает яйца». В русском языке эквивалентом будет выражение «серпом по яйцам».

Я уже слышал несколько раз эту фразу на французском, и что-то мне подсказывало, что это весьма красноречивое высказывание... Но его уход от разговора означал смирение с моим планом. Как я и думал, он отпустит меня.

Сразу после нашей беседы у меня словно камень с души свалился. Несколько месяцев я искал подходящий момент, и сегодня было решено воспользоваться публичным заявлением. Седрик не сможет меня не отпустить теперь, когда об этом известно прессе. Иначе будет много вопросов, и тогда люди могут узнать, в каких условиях я подписывал контракт. Седрик избегает всего, что может навредить его репутации. С этого момента у меня есть шанс что-то изменить в своей жизни и, возможно, придумать, как избавиться от юридических обязанностей перед боссом.

Три года назад, когда я потерял своих родителей, мои дни начинались и заканчивались в пабах и барах Лондона. Один из любимых был Karaoke Vox Mayfair. Современный интерьер, классная музыка, правда, частенько там брали в руки микрофон совсем дрянные исполнители. Район престижный, а залов в заведении было достаточно, чтобы посидеть в более приличной и тихой компании, для тех, кто ищет тишину, покой и отменную выпивку. Там меня и нашел Седрик. Не помню, как мы познакомились, узнал ли он меня первый, или я сам выдал ему всю подноготную своей жизни.

Закончилось все тем, что утром в моих руках был второй экземпляр контракта, по которому я должен служить десять лет верой и правдой издательству

Sceau de Cédric, что в переводе с французского — «Печать Седрика». А в противном случае я обязан выплатить немалую компенсацию. Таких денег у меня, естественно, нет, и вряд ли когда-то будут. Но и положительная сторона этой аферы тоже есть. Я зарабатываю достаточно, чтобы оплачивать квартиру в Белгравии, самом престижном районе Лондона. Могу себе позволить брендовую одежду и отпуск на Мальдивах как минимум дважды в год.

Седрик мог бы оставить меня совсем ни с чем, но порой мне кажется, что он намеренно заставил выйти из запоя самым настоящим пинком под зад, дал шанс на безбедное существование. С тех пор я выдаю ему романы, получаю за это деньги и выполняю слишком много рекламных обязательств, которые перекрывают мне кислород. Именно поэтому я хочу сбежать на время из страны и понять, могу ли я жить дальше. Без помощи Седрика.

Есть ли вообще жизнь где-то там, за пределами моей боли и одиночества?

Седрик меня задушит, если я не начну писать в ближайшее время, но вот проблема: у меня больше ничего не получается. Пропала магия сотворения. Больше месяца я не могу написать абсолютно ничего, даже коротенький рассказик или новеллу. Это меня пугает и медленно убивает.

Я закончил с автограф-сессией и уже не чувствовал правой руки, пальцы онемели от напряжения, глаза болели, а поясница готова была разорвать мое туловище пополам. Решив, что нужно размяться после

